

С. П. БАРТЕНЕВ

<Фрагменты дневника>

24 ноября 1894 г.¹

Разговор вчера у Хомякова²

Искусство составляет цвет жизни и не может, не должно служить источником страдания. Если это так, если, например, у музыканта болят плечи от чрезмерного упражнения, то тут просто какая-то фальшь.

Я: Но что делать, если я должен так тренировать себя, чтобы стоять на уровне виртуоза, которого идут слушать. Я должен готовиться к [пропуск], и мне необходимо там что-нибудь заработать; если же я не буду на должной высоте, меня не пойдут слушать.

Он: Тут-то я думаю фальшь именно в виртуозности. Не требуют теперь сути, а удовлетворяет лишь виртуозность в живописи. Какая дрянь нарисована. «Да, но зато как сделана» — возражают. И это для современности, для *fin de siècle*³ главное. Патти поет в опере, оперы не слушают, а ждут, когда она раскроет рот; до музыки и до всего остального и дела нет.

Перешел разговор к тому, что реальность должна иметь меру. Шиллер говорит: «Там, где природа победила, искусство должно погибнуть». В чем тут дело. Грекам не надо было реальности, они удовлетворялись актерами в масках, и те для них были нужнее, чем если бы явились на сцену настоящие лица. Им подавай не Клитемнестру, а Клитемнестовщину, не Агамемнона, а Агамемновщину.

Я заметил, что тут распад кроется, вероятно, в том, что искусство, как говорит святой старец Николай Федорович, которого брат⁴ долго считал ересиархом, [вы]сказывает бессознательное стремление человека к бессмертию. Желание обессмертить образы и идеи. Тут Хомяков развил эту мысль.

Он: Фламандцы, рисуя сцены в кабаке, брали оттуда то, что непреходяще, прелесть и поэзию подобного собрания и этому давали бессмертие.

Ошибка современного искусства заключается в том, что [то, что] ненужно, ничтожно и подлежит уничтожению, стараются закрепить. В этом разница между фламандцами и Маковским. Те из жанра брали то, что обще и заслуживает бессмертия. Маковский закрепляет на полотне то, что преходяще и не нужно. Толстой грешит тем же. Описания, подобные его описаниям, похожи не на передачу образа человеком, а на вивисекцию и извлечение того, что никому не нужно, ибо не обще. В начале беседы Хомяков указывал на то, что великие художники не мучились над своим искусством, но наслаждались, Рафаэль — это было вечное цветение. Леонардо прежде всего был порядочный барин. Кроме того, ни один великий художник ничего не заработал, подобно современным.

Да, думаю, все это не так и не вполне верно. Цветок вырастает после того, как растение борется и победит.

7 декабря 1894 г.⁵

Вчера поутру приходил в Румянцевский Музей почитать перед поездкой в Египет⁶. Н. Ф. сам заговорил, ибо Юша⁷ говорил ему, что его идеалы считаю я за гордость.

Н. Ф. (дрожа от волнения): Вот вы говорите, что гордость. В чем же гордость, когда это единственный смысл жизни, единственная нравственная полнота, без которой человек не отличается от животного.

Я: Да ведь то, что желательно, еще не значит, что возможно. Я верю, что человек может овладеть землею, но думать, что он может так овладеть миром, чтобы воскресить мертвых, это — не признавать границу его ума и силы, а он между тем ограничен.

Н. Ф. (перебивая): Почему же вы знаете, где граница его ума? Кто вам это сказал? Вот это скорее гордость с вашей стороны — решать, что человек то-то может, а того-то нет.

Я: Я сознаю, что мы очень еще не развиты и даже представить теперь не можем, до чего дойдет могущество человека. Но есть предел. Пока самых простых вещей мы не понимаем.

Н. Ф.: Вот даже 2-й заповеди не понимаем и даже епископы [ее не понимают]. Например, Харьковский [архиепископ] Амвросий. Вторая заповедь, говоря, что не сотвори себе бога из солнца, луны и т. п., т. е. природы, тем самым указывает, что не поклоняться им надо, а покорять их; а Амвросий увидел в желании проводить искусственный дождь противобожественную затею⁸. А вот вы говорите, что мы можем желать, но из этого не следует, что нам удастся это сделать. Это не избавляет от необходимости стараться. Может быть, не удастся, но, зная, что это единственное дело, осмысляющее жизнь человека, мы должны его делать.

Я: Но если нет веры в успех?

Он: Вот вы едете в Египет: разве вы уверены, что будет успех? Когда вернетесь, вот будете знать уже наверно, а до тех пор должны делать все возможное, где же гордость? Стремиться к совершенству посредством смирения. Оно приводит к сознанию своей виновности (ибо мы своею жизнью убиваем ближних — оттого я говорю: нет умерших, есть убитые), которая приводит к раскаянию, а раскаяние выражается в том, что стремимся жить не для себя и не для других, а со всеми и для всех. Пока новое поколение поглощает старое, чтобы в свою очередь быть поглощенным. Возвратим же жизнь старому поколению, чтобы получить право не быть в свою очередь истребленными.

На этом разговор прервался. Вечером за обедом я передал содержание его Хомякову. Тот вспыхнул, как будто обиделся. Стал расспрашивать о Ник<олае> Фед<оровиче>, называл его Федотовым и, узнавши, что он так много читает, сказал: «Пофилософствуешь, ум вскружится».

Оборвал и стал говорить о Грибоедове.

После, в кабинете, заметил, что люди не убиваемы, а умирают, ибо грешны, и лишь Искупитель может воскресить, а что Ник<олая> Фед<оровича> идеи — ересь⁹. Уж без странного озлобления, проявившегося внезапно за обедом, он спокойно начал говорить, что именно ересь может жить в человеке святой жизни, чем становится опаснее. Такие умы побеждают удивительно меткими афоризмами, которые скрывают ложное учение, но пленяют ум. Говорил о бесконечном множестве вещей. Между прочим, он говорит, что в житиях святых египетских показываются подробные описания внешнего вида чертей, ибо это остаток египетской демонологии. У русских святых совсем черти не описаны с их внешней формы; исключение — новгородские, где сказалось, вероятно, влияние Запада. Советует мне проехать из Египта в Париж, где подготовиться[ся] к весне. Может быть, и сделаю.

10 сентября 1895 г. был у Н. Ф. в Музее

Я: Невозможность представить воскресение всех умерших заключается для меня в том: если воскрешать всех, то где же предел? А мертворожденные, а выкидыши? Мы наконец дойдем до тех, которые не существовали, но могли бы существовать; всякое семя уже есть существо в возможности. Это такое количество, что места не может хватить.

Ник. Фед.: Вот вы смущаетесь бесчисленностью. Вспомните о тех звездах, которые образуют туманные пятна, о тех, которые еще не образовались, но образуются. Можно ли их сосчитать? Вы согласны, что человек овладеет землею так, что будет ею управ-

лять. Когда это будет, будет в мире первая звезда, управляемая разумом.

Я: Разум человеческий относителен.

Ник. Фед.: Ну, хоть сознанием. Итак, будет планета управляемая разумом. Населите все миры, чтоб вселенная была управляема разумом. Что же вы беспокоитесь о том, что много людей. Можно думать, что немного миров населенных разумными существами. Если верить в творение мира по Библии, это так. Это так, если думаете, что слепая сила сотворила мир. Трудно, чтоб сочетались много раз те условия, которые создали человека.

22 октября 1895 г.

Ник. Фед.: Чтобы не разменяться на мелочи, следует задаться целью, одной целью, и всю жизнь обрабатывать ее. Можно временно заняться и другим, но не бросать главного. Вот Гете всю жизнь писал Фауста.

Я: Вагнер двадцать лет писал Нибелунги. Как ничтожен человек, что самое малое дело может поглотить всю жизнь.

Он: Если ничтожен человек, Кто распорядился, нарочно это сделал глаза у человека хуже, чем у других животных, у орла например; зато человек достиг видеть то, чего ни одно животное не может видеть; человек слабее льва, например, а может горы двигать. Один человек ничтожен, но вместе со всеми — нет. Это буддисты жалеют человека, ибо для них он ничтожен и потому — жалок; христианин никогда не скажет, что человек жалок, ибо знает, что человек достигнет Бога.

Я: А не первородный это грех — надежда достигнуть Бога? «Будьте как Боги»¹⁰.

Ник. Фед.: Нет! Сказано: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный»¹¹. Какая же это гордость? Вот если хочешь достигнуть знания для себя одного — это гордость: таков Фауст, Манфред; а если со всеми и для всех, то где же тут гордость?

Я: В чем именно, думаете вы, заключался первородный грех?

Н. Ф.: Я склонен считать: в смене жизни деятельной на жизнь чувственную (и т. д.: конец разговора не записан).

30 октября 1895 г.

Ник. Фед.: Не все из нас отцы, но все сыны. Воскресив отцов, мы по отцам все братья. Цель живущих — общее объединение для исполнения долга по отношению тех, кто нам отдал жизнь, — возвратив эту жизнь. Отцы не только дали жизнь, но, в сущности, отдали ее, ибо, рождая, разрушается организм родившего. (У человека это не так заметно, но все же так.) Общее воскресение — выс-

шая нравственность. Бессознательно люди всегда стремились выполнить это. По физической необходимости кладя в землю отца, по нравственной сын ставит на могилу памятник, столб сначала, затем, при развитии, статую, изображающую того, кто похоронен, — стремление воссоздать, обессмертив что может, хоть память, образ. Тайнство Евхаристии в том и состоит, что материя — хлеб и вино — превращается в тело и кровь. Частицы хлеба называют именем умершего и превр<ащают> в тело. Жизнь, ее задача, чтоб питание обратить в создание, а рождение — в воскресение.

Я: Искусство стремится закрепить те моменты, которые ценны. Только то и живо в искусстве, что возникло из желания вдохновения, восторг минуты увековечить, поделившись им таким образом со всеми. Если художник очарован образом, настроением минуты, и это чувство вызовет в нем звуки, картину, статую, дающие вечную жизнь моменту, тому восторгу, которым полна душа, — это творение живо; то же, которое не имеет почвы такой, — мертворожденное дитя.

*Кожевников*¹²: Учение христианское о воскресении, где некоторые будут страдать, отталкивает. Как же можно блаженствовать, если мой брат страдает? Блаженство, основанное на созерцании своего преимущества перед тем, кто погиб и мучится.

Я: Все-таки православная церковь говорит, что задача жизни — лишь нравственное совершенство и что Бог делает все, если человек, будучи свят, попросит Его. Воскресение — чудо рук Божиих. Поэтому воскресение, творимое хотя бы по воле Божьей руками человеческими, — ересь. Нам дано и приказано приобретать духовную силу.

Н. Ф.: Христос, воскреснув, с телом вознесся на небо. Христос дал пример. Люди, достигнув бессмертия и воскресив отцов, населят мир воскресшими, и те, стало быть, с телами вознесутся на небо. Тогда материя одухотворится и мир, слепая сила, будет управляема разумными существами, созданными любовью Бога и воскрешенными любовью человеков, Божьею волею, творимой людьми. «Будет воля Твоя и на земле, как на небеси»¹³.

Я: Неужели, ведя такую жизнь, вы не терпели лишений, страдания?

Н. Ф.: Да, я себя никогда не насиловал. Мне совсем было нетрудно*.

Я: Я сдерживаюсь, но страдаю, если не имею женщин. Неужели вы не страдали?

Он: Оставьте это.

---

* Он спит на горбатом сундуке, всего пять часов, остальное время работает, питаюсь чаем и черным хлебом. Вкушает лишь раз в день (Примеч. С. П. Бартенева).

Я: Я думаю, что вожделение кончается к сорока годам.
Он (уходя в угол, покраснев, энергично): Никогда оно не кончается.

9 декабря 1895 г.

Ник. Фед.: В русском переводе ап. Павел: «Вера есть осуществление уповаемого»¹⁴.

24 декабря 1895 г.

Прочел Н. Ф. отзыв Хомякова (7 дек<абр>я).

Он: — Мы орудия воли Бога, а теперь противники — убивая. Где же гордость возиться в гнили? Вот гордость — быть белоручками.

*Ответ Н. Ф. на мое послание*¹⁵

В Вашем, по внешности прозаическом, а внутренне глубоко поэтическом произведении я вычитал призыв и к людям светским, явно (открыто) отвергающим будущее «Царство мира и жизни», и к духовным, лицемерно признающим его, к военным, как будто явно немирным, и к гражданским, притворно лишь мирным. И наконец, оно, Ваше слово, по-светскому поэтическое, а по-духовному пророческое, могло быть обращено и к той власти, которая поставлена выше этих враждебных сословий для их, конечно, примирения, поставлена Богом Триединым, как образом единодушия и согласия Божественным, жизнь творящим и смерти не создавшим, поставлена в умерших отцов место над сынами блудными, забывшими и близких и дальних своих предков (в этом и заключается смысл Таинства венчания на царство мира сего).

Не без основания я осознал, что в Вашей прозе заключается не только поэзия, но и пророчество. Вы не читали сочинения, которое называется и вопросом, во-первых, о причинах неродственных или небратских отношений между людьми и о средствах восстановления братства, во-вторых — о причинах неродственных отношений природы к нам и о средствах обратить природу, эту силу слепую, в орудие братства сынов¹⁶, почувствовавших наконец во всей силе ту утрату, которую они понесли в смерти отцов. (Конечно, трудно представить, чтобы нынешнее поколение могло почувствовать такую скорбь.) Не читав этого сочинения, вы, однако, обращаетесь, во-первых, к миру взаимной вражды (небратских отношений), вычисляя его преступления против людской косности и невежества, и предсказываете ему конец, во-вторых, обращаетесь к силе слепой, еще не управляемой разумом, и предсказываете (видите), что этот гнет не будет вечен. Пророчество есть даже

ваш недостаток. Настанет (грядет) час, говорите вы, когда люди выполнят волю Бога (выполняют все вместе, в совокупности и многоединстве, в братстве по образцу, в Троидном Боге заключающемся), Бога миротворящего, смерти не создавшего, ибо чем можно угодить и уподобиться Богу, не терпящему смерти, как не возвращением жизни тому, что погибло благодаря нашему невежеству, нашему бездействию или при нашем содействии. Но час не настанет, время не приблизится, если мы останемся неподвижны; ничего не сделается, если мы останемся в бездействии. Предсказывать можно злое, конец мира, как следствие нашей розни. Доброе можно лишь делать, направлять. Потому-то нет и в Евангелии предсказания о том, что будет, если воля Божья будет исполнена.

Вы сами, конечно, понимаете невозможность предсказывать доброе, а потому и заменяете пророчество горячим призывом. Пора! Пора! — восклицаете вы, пора, потому что средства земли истощаются, а населением она близка к переполнению, благодаря чему ценность жизни падает больше и больше*, вражда усиливается, а любовь иссыкает. Не нужно верить тем, которые говорят, что война между цивилизованными [народами] невозможна (Соловьев)¹⁷; нужно особенно бояться тех, которые, проклиная войну внешнюю, употребляют все усилия возбудить войну внутреннюю (Толстой)¹⁸.

Тихий и мирный призыв Владимира Александровича¹⁹ у вас заменяется бурным и шумным. Конечно, то и другое необходимо.

Созерцание дня желанного, дня светлого действует успокоительно и призыв производит тихий и мирный. Представление тех ужасов, которые обрушатся на человеческий род в том случае, если объединение не состоится, вызывает и пышный, и шумный призыв, и не [только] будущее, но и настоящее не может не вызвать бурного призыва: с одной стороны — мир закоренелого коснения, грубейшего невежества, взаимной злобы и с другой стороны — тот же мир как громадная, опьяненная играми и забавами толпа, в постоянной бессмысленной борьбе из-за мануфактурных игрушек ослабляющая и истребляющая друг друга, отдает себя тупо, слепо в жертву бесчувственной, умерщвляющей силе природы.

Для пробуждения коснеющей толпы недостаточно церковного пения, камерной музыки. Автор бурного призыва находит, очевидно, недостаточным хоровое пение и камерную музыку. Он хо-

---

* Земля как жилище человека, с одной стороны, становится тесна для живущих и [с другой —] заражена от множества в ней умерших и погребенных, потому предсказания о глодах и порах исполнятся, если на призыв не будет отзова.

чет соединить вместе храмовую музыку и полевую, военную, для пробуждения толпы и отвлечения ее от ребяческих забав, чтобы привести эту толпу к зрелому возрасту. Такая-то громоносная музыка должна разлиться по всему лицу земному, чтобы возвестить миру благую весть спасения, всемирного родственного объединения всех живущих для воскресения всех умерших на всей земле, как одном великом кладбище. Пасхальная полночь в Московском Кремле есть лишь слабый намек на эту всемирную утреню светлого дня воскресения. Далее наш автор увлекается бурным стремлением и желает искру благовеста воскресения раздуть в такое пламя, которое охватит пожаром всю вселенную. Можно подумать, что злобе человеческой тесны кажутся пределы земли и она хочет перенести свою истребительную деятельность на небо и спалить всю вселенную. Правда, автор думает сжечь мир косности, невежества, но эти грехи, как отрицательные величины и как ничто²⁰ гореть не могут, к горючим веществам не принадлежат. Слепая сила сама себя уничтожает, а разумное существо призвано спасти мир, обращая разрушение в воссоздание. Строки о пожаре, так же как и Царство Божие, омываемое потоками воли, представляют собой выражения неточные. —

Николай Федорович.

